

Татьяна Дагобич

МИЛОСЕРДИЕ СМЕРТИ, ЛЮБОВЬ

Птицы в твоей душе заснули, а потом умерли. Больше не вылетают из твоего рта, это значит, ты никому ничего не можешь сказать, тебе нечего сказать, ты не хочешь говорить, вот и все. Твои птицы мертвы. А умерли они, потому что тебе некому стало говорить.

Так ты думаешь, переходя на другую сторону улицы, на зеленый сигнал светофора, отсчитывающего секунды. Секунды жизни, думаешь ты. Какие странные мысли в последнее время. Раньше тебе ничего такого не пришло бы в голову, а если бы пришло — ты бы испугалась. Теперь-то чего бояться.

По улице идут прохожие с лицами, устремленными внутрь, настолько погруженными в свое, в свои проблемы, что неловко смотреть — будто лицо на самом деле развернуто внутрь черепа. Но ты смотришь. Опять какая-то дорога, ты переходишь рядом с пешеходным переходом. Не потому что тебе надо на другую сторону, а потому что ты ищешь, вычисляешь ее. Ты ее приманиваешь, ты знаешь, что она прячется среди прохожих, маскируется под одного из них. Если переходить дорогу, она может выскочить внезапно, в виде машины, водитель которой не соблюдает скоростного режима. Она — смерть.

Нет, ты ищешь ее совсем не в том смысле, в каком это выражение могло бы напугать твою и так напуганную маму, ты не хочешь умирать. Ты просто хочешь поговорить с ней и не понимаешь, почему она прячется, почему врет, почему не отвечает на твои вопросы.

Там, куда он ушел, твой муж, она не такая стеснительная. Там она открытая, ясная, повсеместная. Ему пришлось уйти на войну, потом пришлось пропасть без вести. В окружении. Тебе не нравится, когда говорят «котел»: у тебя сразу перед глазами котел, в котором варятся куски мяса, и серая пена. Зачем так говорить? Лучше сказать «окружение».

Некоторые говорят, что ты должна ненавидеть тех, кто начал эту войну. Ты не можешь ненавидеть. Ты не знаешь и не понимаешь их, чего они хотели, они для тебя как кусочки картона с нарисованными

лицами, их нет для тебя. Тебе предлагают ненавидеть своих — правительство, штаб, тех, кто закинул его в этот... в это окружение, но ты не знаешь, кто виноват, кого именно ненавидеть. И ты не хочешь принимать участие в выяснении всех обстоятельств. Активистка, которая приходила к тебе, не понимает, что ты не хочешь.

Но ты ненавидишь эту пустую, обманчивую формулировку, понизив голос: «без вести». Тебя бесит ханжество смерти, которая не хочет показывать своего лица и признаваться. Поэтому ты выходишь из дома, и, вместо того, чтобы идти на работу, разыскиваешь ее, бродишь без цели и заглядываешь в бледные лица незнакомых людей — бледностью очень напоминающих ее.

Твоя мама говорит: «За что ж нам такое, за что это несчастье! Хотя бы деточки остались... Говорила я тебе, а вы все — потом, потом». Ты не возражаешь, потому что ситуация уже такая, какая есть: у вас с мужем не было детей. Ты не говоришь: «Какие дети, мама, на что их кормить, одевать, как поднимать без мужика? Зачем? Всегда бы завидовали тем, у кого есть папа — зачем это?» Ничего не говоришь, птицы умерли, те, что всегда заставляли вас с мамой перебивать и перекрикивать друг друга — тоже.

Еще одна приходила, принесла денег, уговаривала: тебе, мол, станет легче, если ты будешь помогать другим. Много работы. Она не понимает. Тебе не просто лень, и дело даже не в том, что помочь ты ничем не сумеешь. Тебе кажется, что вокруг тебя — поле несчастья, и несчастье перейдет на каждого, кому ты захочешь помочь, так что ты не сможешь, а добьешь. Ты приносишь несчастье, людям лучше не связываться с тобой.

Чего ты не делаешь: ты никогда не смотришь ваших свадебных фотографий, вообще не приближаешься к полочке, на которой стоит альбом, вообще фотографий не смотришь. Ты не смотришь, как целуются молодые люди на улице или в трамвае, ты сразу отворачиваешься и уходишь, сходишь на первой остановке. Ты не вспоминаешь пять лет вашей общей жизни, обычной супружеской жизни, после его и твоей работы, с твоей мамой в соседней комнате, (мама имела привычку заходить в самый неподходящий момент), мечты о своем жилье, вечера с бутербродами и поцелуями перед монитором, на котором — скачанный фильм. Только последний ваш день ты не можешь не помнить, он ежедневно прокручивается в голове, тоже вроде скачанного фильма на компе.

Что ты делаешь: ты покупаешь в киосках газеты, читаешь их, сидя на скамейках, не обращая внимания на ледяной ветер. Из газет ты узнаешь, что смерть постоянно рядом, это только кажется, будто она в параллельной реальности, а на самом деле в мирном городе столько всего происходит — ДТП, несчастные случаи. Раз рядом, почему не отвечает. Почему не скажет: «Он у меня», — что и так ясно.

Несколько раз тебе казалось, что ты ее встретила. Ты выделяла в толпе особенно бледное лицо, оттененное черной одеждой. Нет, не обязательно в черном. (Ты сама черного не носишь: во-первых, без вести, а не погиб, значит, не траур. Во-вторых, не покупать же специально что-то новое, на какие, а раньше ты черного никогда не носила — не нравилось и не шло.) Ты шла за этим человеком. Это мог быть мужчина, могла быть женщина — не важно. Но что-то было в их лицах. Какая-то неподвижная печать, какой-то странный воздух вокруг них, и то, как они внезапно исчезали — растворялись среди других людей, словно их и не было. Это была она, в разных видах — всегда она.

И сейчас ты видишь ее. Женщина, наверно немного за пятьдесят, элегантная, с белым лицом. Пальто у нее светло-серое, но вокруг шеи — черный шелковый шарф. Ты спешишь за ней, ты не хочешь терять ее из виду, не заботясь о том, чтобы самой оставаться незаметной. Сначала кажется, что она не замечает преследования. Она притворялась. Она задерживается у одной из витрин, а когда ты оказываешься рядом, резко разворачивается и смотрит в упор в твое лицо.

— Вам что-то нужно от меня? — спрашивает с вызовом, почти с ненавистью.

Ты теряешься (даже на секунду выныриваешь из своих мыслей, и видишь перед собой обычную женщину, которой неприятно, что за ней идут). Ты пытаешься сконцентрироваться, сформулировать мысли, сказать что-то внятное, то, что ты давно хотела ей сказать, все, что хотела высказать, что хотела спросить, и говоришь:

— У меня муж пропал без вести. Там, — ты машешь рукой в сторону и не выговариваешь страшное слово. — Он, конечно, погиб, но...

Что-то должно было быть после «но», ты забыла. И вообще, голос дрожит, будто вот-вот разрываешься, хотя это не так, на самом деле ты спокойна. Ты совсем не так представляла себе разговор. Но взгляд смерти смягчается, она спрашивает:

— А как вы на меня вышли?

Ты пожимаешь плечами, ты говоришь:

— Да так... Шла...

— Я Светлана, ну, вы знаете, да? У меня сейчас, к сожалению, нет времени... — она смотрит на часы. Потом смотрит на тебя. Смотрит *оттуда*. Молчит. Время идет. Затягивается. Она добавляет: — Хотя на чашку кофе хватит. Знаете, пойдёмте кофе выпьем. Вам, кажется, надо согреться.

Ты замечаешь, что дрожишь. Тебе просто холодно — от этого и голос дрожал.

Вы заходите в кафе. Ты удивляешься уютной атмосфере, тихой музыке — будто войны нигде нет. Ты давно не бывала в кафе. Но кофе подают без аромата и почти без вкуса — просто горький. И смерти ты все выкладываешь. Ты была о себе лучшего мнения, ты думала, что расскажешь все четко и последовательно, предъявишь претензии, но вышел один поток эмоций, никакого здравого смысла, на вопросы Светланы и ответить толком не можешь, звание еще с трудом — какие там звания, рядовой, а часть, батальон — ты путаешься, становится стыдно — получается, ты и не интересовалась, где твой муж. Это не так, просто ты забыла. Светлана относится с пониманием, она кладет тебе руку на плечо и поглаживает, чувствуется, что это ее привычка, что жест этот она повторяла бесчисленное количество раз. Но тебе нравится. Ты удивляешься, что мама ни разу за это время не догадалась так положить руку тебе на плечо.

— Ну, давайте подумаем, что можно сделать, — говорит она. — Что с пробами ДНК, сдавали?

— Я могу сдать, — торопишься ты, но она качает головой.

— Вы не подходите. Или его самого, сейчас уже нет... или родственники. Родные. Вы с МВД связывались, да? «Черный тюльпан» знаете?

— Я его жена, не гражданская, мы были расписаны!.. — говоришь ты горячо, но она только качает головой, и ты понимаешь, что сказала глупость, и даже понимаешь, в чем глупость состоит, но тебе не хочется признавать, что вы не родные. Сдаешься: — Хорошо, смерти виднее... У него только отчим остался. Свекровь моя еще давно, до войны умерла, полтора года назад. Детей нет.

— Я помогу вам, — говорит смерть. — Но с одним условием. Я вам дам номер телефона. Это психотерапевт. Ее зовут Инна, она поможет вам. Скажите, что от меня, это вам ничего не будет стоить.

Потом она уходит в туалет. Ты остаешься одна, ты качаешь ложечку в чашке кофе, в который не клала сахара. Ты не знаешь, что смерть стоит в туалетной комнате перед зеркалом и поправляет синий с серебряной нитью шарф, который при пасмурной погоде показался тебе черным, и думает. Она ведь заметила, что ты назвала ее смертью. Она вглядывается в свое лицо. Она привлекательна, она добра. Она вспоминает мужчин, которые уходили от нее по центростремительной орбите, словно напуганные чему-то. Но ей не нравится печальный изгиб губ, он ее старит, она улыбается отражению и решает идти к тебе: она думает, что в этом ее путь. Она решает сделать то, чего делать не нужно, чего не собиралась.

И она предлагает тебе посмотреть некоторые фотографии (даже те, что не подходят по датам). Она объясняет, что рассчитывать особо не на что, но вдруг. Большею частью те, кто не пришел в сознание, есть несколько в сознании, для них проблема вспомнить. Пока она ищет в своем мобильном, тебе становится очень страшно. А что, если ты не узнаешь его?

Когда она дает тебе телефон, эта мысль не кажется слишком абсурдной.

— Они не похожи на себя при жизни, — говоришь ты. Светлана тебя мягко поправляет:

— Они при жизни.

Но одну из фотографий, как раз ту, к которой ты хотела бы присмотреться, она пролистывает своим белым узким пальцем, без объяснений, но тебе ясно: уже не при жизни.

— Не надейтесь, что вы именно его увидите, может, кого-то, кто о нем может знать.

Одна фотография приходится на один удар твоего сердца, и ты понимаешь — их несколько, ты понимаешь, что следующая будет последней.

— Это он! — говоришь ты.

Светлана смотрит на тебя с сомнением.

— Вы уверены?

— Конечно. Как можно мужа своего не узнать?

Она всматривается в твое лицо, покусывает губы. Потом самой себе говорит: «Ну, хорошо...» И тебе:

— Он в сознании. Немножко нарушения речи... Но потихоньку говорит. Не помнит почти ничего. Мы можем только сказать, где его

нашли, и то не точно, там какие-то непонятки были... Ни документов, ничего...

— Когда я могу его увидеть?

— И нога... Правая.

— Но мне можно к нему?

Ты дышишь так часто, что кружится голова. А Светлана все смотрит и кусает губы, и говорит о тех, кто занимается поиском тел... Кто обменивает пленных... Но наконец соглашается. Только надо подождать до послезавтра. Она не хочет, чтобы ты сразу говорила ему, кто ты, она хочет, чтобы ты сказала, будто ты волонтер, приехала помогать. Чтобы он сам тебя узнал. А потом говорит всякую ерунду: к кому тебе еще следует обратиться, что заполнить...

Вы едете в больницу на старой синей машине, Светлана за рулем.

Когда ты переступаешь порог больницы, тебе становится плохо, хуже, чем когда впервые услышала «без вести». Тошнит от всего: от запахов и звуков больницы, от пациентов и врачей в коридоре, от уродливых стен и белесого света. Но Светлана здесь как рыба в воде, все и всех знает, идет уверенно, ты — за ней.

Ты узнаешь его сразу, хотя он сильно изменился: не столько все эти порезы на лице, сколько землистого цвета кожа и глубокая чернота вокруг глаз. Глаза кажутся почти женскими: как покрашенные без чувства меры. Поняла, как сильно соскучилась, и ничего тебя не отталкивает и не пугает. Тебе кажется, что он тебя узнал, моргнул как-то радостно, но, может, это Светлане, ей здесь все радуются. Вопреки плану, Светлана сразу подходит к нему и шепотом говорит:

— Вот, Лешенька, жену мы твою нашли.

Ты мысленно радуешься: имя свое Лешка помнит, а говорили, ничего не помнит. Но он смотрит на Светлану ошарашено:

— Я что — женат?

На тебя вообще не смотрит сначала.

Приятного мало, но ты решаешь держать себя в руках. Мало ли у вас ссор было, когда он тебя до слез доводил, главное — он нашелся, он жив, остальное — приложится.

Тем более что он потом на тебя все-таки смотрит, доверчиво, как ребенок. Ты удивляешься: еще недавно человек шел убивать и умирать, а тут смотрит как ребенок. Но взгляд такой грустный, глубокий — снизу, потому что он лежит, а ты стоишь. Любовь снова светится в грудной клетке, как в самом начале, до свадьбы.

Ты немного помогаешь Светлане разбирать и раздавать вещи, но потом садишься возле него. И хотя рядом другие, вы словно вдвоем. Как впервые в жизни, как летним вечером на берегу реки. Вы шепотом разговариваете о том, как он поправится и как вы будете жить. И жизнь эта в будущем, обычная жизнь, которой вы уже жили несколько лет, оказывается такой обалденной. Он говорит короткими фразами, почти без глаголов, неловко, но ты слышишь его голос — что еще надо.

Ты нечаянно выдаешь себя, признаешься, что не верила, что он жив. Он не обижается, он объясняет, что для него самого это все без смысла. До сегодняшнего дня. Без ноги жизнь, непонятно, откуда и кто. Зачем? Морда искромсанная. Зачем жизнь, вообще непонятно. Кому оно надо? Лучше обратно. Куда? Там. Все там. Как так без ноги, зачем здесь?

— Ох, это ерунда, — говоришь ты. — Это вообще не важно.

Кажется, он понял, вы даже смеетесь вместе шепотом. Он все так же доверчиво на тебя смотрит, глаз не сводит, будто боится из виду потерять. Ты чувствуешь себя уверенно и очень спокойно. Ты поглаживаешь его по плечу, так, как Светлана поглаживала тебя — ты усвоила жест. Одеяло сползает с его плеча, ты ожидаешь увидеть его родинку, но родинки нет. Ни родинки, ни шрама на ее месте. Кожа обычная, серая, в незнакомых венах.

Ты поспешно прикрываешь его плечо одеялом.

— Замерзнешь!

Он не сводит глаз. Вы разговариваете дальше. Он кладет свою руку с катетером для капельницы на твою.

Ты по-прежнему спокойна. Ты думаешь, что это не имеет значения — нога, родинка, речь. Обойдетесь.

Без чего не обойтись — без денег. На работу надо вернуться. Прогулы тебе простят — ты объяснишь: такая ситуация. Они боятся этой ситуации. Они откупаются от этой ситуации, они будут рады откупиться от тебя маленьким милосердием.

«Если даже смерть проявляет милосердие...» — думаешь ты о Светлане.

